

Леонтьев Ярослав.

Маркелов был романтиком

Впервые я встретил Стаса, кажется, в начале 1992 года. Тогда он был еще совсем юным и выглядел довольно экзотически – длинные волосы, собранные в хвост, фенечки... Это произошло на каком-то политическом форуме в Доме политпросвещения на Трубной. В кулуарах мы оказались рядом с ним, и мне он тогда активно не понравился. Вижу, какой-то юнец громко разговаривает, размахивает руками. Ну, думаю, задавака, если не сказать «демшиза».

Потом я узнал, что он себя отождествлял с хипповской Системой, хотя по возрасту, разумеется, не мог к ней принадлежать. Это было такое эпигонство, если так можно выразиться – и именно таким я его поначалу и запомнил. Все изменилось в 1993 году, когда после подписания Ельциным печально знаменитого указа 1400 от 21 сентября начался «Черный октябрь». Мы, левые социалисты и анархисты, приняли для себя такое решение: поскольку мы не можем стать по какую-либо сторону баррикад, но считаем себя социалистами, т.е. в буквальном переводе «общественниками», мы должны что-то в этой ситуации сделать для общества. Мы понимали, что ситуация движется к крови – большой ли, малой – но что кровь прольется, что будет гражданская война, всем было ясно.

Когда мы собрались в музее Николая Островского (Александр Бузгалин вел тогда эту встречу левой интеллигенции), я выступил с обоснованием инициативы создания добровольной санитарной дружины. К формированию ее мы приступили, собравшись в Дзержинском райсовете на проспекте Мира. Поначалу дружина состояла из нескольких человек. Мы сшили флаг с красным крестом, обзавелись белыми повязками. Решили назвать сандружину именем поэта Максимилиана Волошина. Он, как известно, когда жил в Крыму во время Гражданской войны, помогал красным, когда тех преследовали белые, и белым, когда тех преследовали красные.

Первый наш «выход в народ» состоялся в субботу 2 октября. Мы сначала зашли в Краснопресненский райсовет и оттуда, узнав, что начались серьезные столкновения, двинулись на Смоленскую площадь вдоль оцепления, блокировавшего подступы к Белому дому.

Смоленская площадь была покрыта баррикадами с двух сторон: начиная с Зубовской площади, по Садовому кольцу стояли автобусы с ОМОНОм. То же самое – от перекрестка с Новым Арбатом. Напротив старого Арбата образовалась «вольная зона», свободный пятачок, отвоеванный в драках с милицией. Здесь горели покрышки, высоко поднимались клубы черного дыма и языки пламени, зрелище было впечатляющим – почти как в октябре 1917-го. На баррикадах стояли люди с арматурой, некоторые в строительных касках. Поодаль –

омоновские цепи, тоже в касках, со щитами и дубинками.

Мы заняли под сандружину один из покинутых владельцами ларьков на площади и объявили сбор медикаментов, бинтов и денег. Подходили разные люди – кого-то мы успели предупредить заранее, а кто-то только что узнал про нашу затею. Среди тех, кто подошел без предупреждения, был 19-летний Стас Маркелов, студент Юридической академии, который сразу же стал одним из активнейших участников наших действий.

На следующее утро, в солнечный воскресный день 3 октября вместе с присоединившимся к дружине Стасом собрались на Октябрьской площади, где был объявлен сбор так называемого «народного веча». Вслед за демонстрантами сандружинники выдвинулись в сторону Крымского моста. Первую помощь нам пришлось оказывать молоденьким солдатам, которых прорвавшийся народ просто смел. Но были пострадавшие и среди демонстрантов, превратившихся в повстанцев. И так на протяжении всей дороги к Белому дому помогали и тем, и другим...

А потом началась стрельба – сначала в гостинице «Мир», а потом в здании мэрии, бывшем СЭВе, и уже появились первые раненые с «огнестрелами». К моменту похода к телецентру в Останкино у нас появились профессиональные врачи и фельдшеры (после обращения исполкома Белого дома с просьбой к врачам присоединиться к сандружине). Я с несколькими сандружинниками остался на том месте, где разбили полевой «медсанбат», а Стас и другие поехали в Останкино. Он и жил в двух шагах оттуда, на Аргуновской. Когда началась бойня у телецентра, они начали действовать как санитары – помогали вытаскивать раненых изпод огня, вывозили их в «Склиф». Один по дороге скончался. Стас самым активным образом помогал пострадавшим.

На следующее утро, 4 октября мы снова собрались в обществе «Мемориал» в Малом Каретном переулке. Там мы решили разделиться по двое и по трое и попытаться мобильными группами прорваться в район Белого дома. Стас и его приятель Павел оказались единственной группой, которая в результате все-таки прорвалась через оцепление, причем весьма экстравагантным способом – на «демороссовском» автобусе. А там они опять занялись, на этот раз бок о бок с несколькими профессиональными медиками спасением раненых в непосредственной близости от обстреливаемого Белого дома.

После того как было объявлено чрезвычайное положение, мы не свернули сандружину, а наоборот, занимались ликбезом, продолжали собираться, ходили на прощание с погибшими, поддерживали контакты. Даже на 7 ноября выезжали на какую-то неразрешенную акцию, кажется, митинг «Трудовой России». С этих дней осталась известная фотография, сделанная Тупикиным, когда мы специально собрались в районе «медпункта», чтобы сделать снимок на память. За это время мы все близко сдружились – это была, если угодно, по-своему фронтовая дружба. А со Стасом меня постепенно начала связывать и личная дружба. Мы встречались в «Мемориале», гуляли по Москве. Помню, как однажды со Стасом и нашим сандружинником Ником Широниным чуть ли не до утра сидели на Страстном бульваре и глушили портвешок. В другой раз собрались у Оли Трусевич на Ленинском проспекте. Кажется, это было на сороковины после расстрела Белого Дома. По крайней мере, утром мы побывали на траурных мероприятиях там, а затем оттуда, прихватив не из

числа сандружинников Старикова, Леву Сигала и Платоненко, отправились к Ольге. Когда в ночи шли к метро, на подходе к Гагаринской площади мы громко запели:

*Смело мы в бой пойдём
За власть Советов...*

И тогда в нас с какого-то верхнего этажа швырнули не то бутылкой, не то трехлитровой банкой. Разорвалась возле нас словно бомба, к счастью, никого не задев.

Пережив октябрьские события, по свежим следам Стас, Петя Рябов, Володя Савельев и я попробовали опубликовать в виде цельной статьи свои рассказы об увиденном, но в Москве это не удавалось. (Позднее Савельев наговорил свой более подробный рассказ на диктофон Андрею Колганову, и он вошел в сборник «Кровавый октябрь в Москве»). Тогда я послал текст и сделанную Тупикиным фотографию в Иркутск Подшивалову. Текст был большой, на две полосы. Игорю удалось его тиснуть в газете «Версия», местном аналоге «Совершенно секретно». Еще потом мы хохмили, так как это оказался последний номер «Версии». Подшивалов смеялся: вот, дескать, за вашу статью «Версию» закрыли и мне теперь негде работать. А в письме у меня спрашивает: «А что это там за девушка рядом с тобой? Что за санитарка?». Стас, ведь, длинноволосый был, а на фото еще и в шарф закутанный. Позднее, когда я их представлял, решил съязвить: «Вот это, Игорь, наша санитарка и есть. По имени Стася Маркелова». Подшивалов загоготал, а Стас на меня, естественно, обиделся. В общем, так мы прикалывались.

Лето 1994 года для него стало в определенном смысле провиденциальным. От «Мемориала» Стас ездил в качестве наблюдателя в Назрань в связи с осетино-ингушским конфликтом, о чем замечательно вспоминает Дима Лозован. Кроме того, летом того же года я выдвинул идею создания Левого исторического клуба (ЛИК) при обществе «Мемориал», и с осени Стас начал активно посещать наши заседания и круглые столы. Понятно, что он не был профессиональным историком, но на собрания ЛИКа приходили как профессионалы, так и просто интересующиеся. Из известных сейчас имен можно назвать, например, Александра Тарасова, Александра Колпакиди, Константина Морозова из «Мемориала», Вадима Дамье – известного историка анархизма... Из старшего поколения с ЛИКом сотрудничали такие крупные историки, как В.Ф. Антонов, Н.М. Пирумова, А.С. Велидов, писатель Юрий Давыдов, автор романов о революционерах. В числе выступивших у нас были А.Д. Синявский, М.В. Розанова, П.М. Абовин-Егидес, позиция которых по отношению к октябрю 93-го нам импонировала. Особо надо сказать об одном выступлении Андрея Исаева, который еще не был ни с властью, ни в Думе, а редактировал газету «Солидарность». Его вместе с Александром Шубиным и их учителем Василием Федоровичем Антоновым мы пригласили для участия в диспуте на тему «Западный социализм и проблема самобытности “русского социализма” и “русского анархизма”». Это было в конце декабря 1994 года, и дискуссия как-то сама собой перешла в плоскость оценок и прогнозов развития событий в Чечне. Наши встречи в стенах ЛИКа в это время сочетались с одновременным участием в первых антивоенных пикетах на Пушкинской площади.

Недавно я решил покопаться в архиве «Мемориала», и папка с документами ЛИКа преподнесла неожиданный сюрприз. В ней, среди других бумаг, находится разграфленный

лист бумаги стандартного формата А-4 с напечатанной сверху «шапкой»: «ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В ЛЕВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КЛУБ». И первая же запись была сделана Стасом Маркеловым. В той же архивной папке сохранился рукописный протокол организационного собрания 25 октября, во время которого были распределены обязанности членов создаваемой рабочей коллегии. В эту координационную структуру ЛИКа вошло шесть человек, включая Станислава Маркелова, на которого возлагалось решение «юридических вопросов».

Ограничусь сейчас этими отрывочными и далеко не полными воспоминаниями о ЛИКе, рассказав напоследок «веселую историю». Однажды кто-то подкинул идею: давайте сходим к стеле на Воробьевых горах в память о клятве Герцена и Огарева продолжать дело казненных декабристов, описанной в «Былом и думах», и устроим там субботник. Потому что там пьют, валяется битое стекло, всякий мусор. Пригласили на прогулку «бабушку» современного русского анархизма Наталью Михайловну Пирумову (может быть, она сама и подала эту идею). С нами там были аспирантка Пирумовой Ира Демьянюк, еще одна девушка, аспирантка из Канады, бахаистка. Из ЛИКа, помню, пришел «мемориалец» Дима Зубарев, но полностью всю компанию уже и не вспомню. Честно говоря, Стас смолоду всегда любил выпендриваться перед девушками. Да и впоследствии приметные девушки не оставляли Стаса равнодушным. Так вот, приходим к стеле, провели субботничек небольшой, почистили все там. Потом спускаемся к Москве-реке на пикник, мы с собой тоже, конечно, кое-что захватили. На лужайке расположились, скатерть-самобранку постелили. Приятный майский вечерок. Пирумова с нами беседует. Хорошо так сидим.

И вот Стасу захотелось покрасоваться, особенно перед нашей канадкой. Он молодой был и неженатый, дело понятное. Как известно, он был превосходный пловец. На моих глазах он Москву-реку не раз в разных местах переплывал туда-сюда, в районе Строгинской поймы, например. И тут Стас решил переплыть, хотя для купания был еще не вполне сезон. Хоть и конец мая, но вода еще не прогретая. Да и плавок у него с собой не было. Поэтому он в джинсах поплыл. Лихо так перемахнул Москву-реку в Лужники. А мы сидим на травке, общаемся. Вскоре выяснилось, что он, оказывается, переплыл на другую сторону, когда было «окно» между движением прогулочных катеров. Он было обратно поплыл, а тут пошли катера туда-сюда, да еще баржа какая-то, буксиры, в общем опасно стало возвращаться. Не ровен час под винт попадешь. Он стоит в Лужниках, машет с того берега. А голоса, естественно, не слышно. Время идет, и катера все идут. А мы же не можем без него уйти. Пирумова начинает сердиться, ворчать, а Маркелова все нет и нет. Так продолжалось до тех пор, пока он все-таки не дождался другого «окна» и не приплыл назад. А поскольку он плавал в джинсах, то и они оказались покрыты жирными пятнами мазута. А нам ведь в метро ехать. Ну, делать нечего, так и поехали. Помню, как мы все вместе шли с Пирумовой, по очереди ведя ее под руку. Она уже начинала сдавать, а мы поднимались по крутой и длинной лестнице вдоль трамплина на Воробьевых горах.

Надо еще сказать, что Стас глубоко интересовался историей революционного движения и, в частности, он всегда хотел продолжить традицию политической адвокатуры в России, которая существовала во время процессов над социал-демократами, народовольцами и эсерами при царизме. В то же время его очень интересовала история политического «краснокрестного движения» (дореволюционных партийных и межпартийных «Красных крестов», Политического Красного Креста и организации Пешковой в советское время) и

того, как можно реально оказывать помощь политзаключенным. Продолжить традицию ему удалось: судя по первым же его делам, которые он вел, – будь то дело Соколова или «краснодарское» дело, – он сразу себя начал позиционировать в качестве левого адвоката. Не мешает еще вспомнить дело Ларисы Романовой о взрыве возле приемной ФСБ на Кузнецком, когда в июне 1999 года Маркелов был остановлен прямо на улице и получил повестку для явки на допрос в УФСБ по Москве и Московской области в качестве свидетеля, и тем самым выведен из дела. «Мемориал» в этой связи делал заявление¹ (1 У обвиняемых и свидетелей по «краснодарскому» делу требовали показания на Маркелова, угрожая «найти на него кое-что». Станислава следователи также допрашивали, требуя, по сути, нарушения адвокатской тайны. (См. заявления ПЦ «Мемориал» от 8 июля 1999 г.)).

Из его общественной деятельности можно вспомнить про участие Стаса в Прямухинской вольной артели – это была очень интересная инициатива по оказанию помощи в возрождении усадебного комплекса в Тверской области, на родине Бакуниных. Эта артель появилась по инициативе группы активных в недавнем прошлом КАСовцев. Тверской предприниматель и литератор Владимир Иванович Сысоев (скоропостижно скончался 3 января 2009 года) вместе с потомком семьи Бакуниных Георгием Циргом и все той же неутомимой Пирумовой попытался организовать реставрационные работы в усадьбе Прямухино. К работам по благоустройству усадебного парка они привлекли анархистов и их друзей. В доме, принадлежавшем Сысоеву в соседней с Прямухином деревне Лопатино, базировалась «Вольная артель», в которой летом трудились Миша Цовма, Петя Рябов и много кто еще. Артель помогала в восстановлении сохранившегося усадебного флигеля дома, очистке прудов, огораживании уникального парка. На мой взгляд, Прямухинская артель была моделью то ли народнической, то ли толстовской коммуны конца XIX – начала XX века, где люди, с одной стороны, добровольно работали за идею, а с другой – отдыхали, общались, проводили по вечерам семинары. Как раз во время работы в артели Стас познакомился, а потом и близко сдружился с ветераном левого движения, самым известным анархистом в Сибири и не менее известным иркутским журналистом Игорем Юрьевичем Подшиваловым, который был одним из руководителей артели. Нам со Стасом довелось проводить вечер памяти Игоря Подшивалова в «Мемориале» в феврале 2007 года, а летом того же года в Прямухино состоялись чтения его памяти, в которых Стас также участвовал. (Чтения одновременно были посвящены и десятилетней годовщине со дня смерти Н.М. Пирумовой.) Это был, кстати, последний визит Маркелова в Прямухино.

В связи с артелью хочу рассказать об одном забавном приключении. Как-то я приехал туда рано утром в гости, добираясь на перекладных. Меня встретили Стас, панк из Волгограда по кличке Ежик и Ира Бескова, которые, если не ошибаюсь, остались в тот день в Лопатине дежурить по кухне. В основном артельный народ уже отправился работать в Прямухино. Я приезжаю и с порога говорю: «Стас, что у вас там на обед? Может, за грибками сходим? Людям сюрприз сделаем». Быстро собрались, и решили прогуляться все вчетвером. Думали, на часок-другой... А перед этим, в местных лесах ураган прошел и самые настоящие джунгли из поваленных деревьев образовались. Мы перемахнули несколько таких завалов, и через некоторое время поняли, что заблудились. Все время куда-то идем на просвет, а попадаем каждый раз в болотце. Все там перессорились, потому что каждый мнил себя Данко, а в итоге оказывался Сусаниным. В конце концов ругаться и спорить надоело, да и сил никаких уже не было. Грибов поначалу набрали, а потом их выбросили, надоело носить.

Тем более что благородных почти не было, так себе какие-то сыроежки жалкие. Солнце постепенно катилось в закат, а мы уже бредем наугад, куда кривая выведет. И в итоге вышли на безлюдную делянку, где стоял не запертый вагончик. Вот там нас ждал настоящий рай. Дело в том, что с утра у нас не было ни воды, ни куска хлеба, ни курева. Стас, конечно, не курил, но мы с панком Ежиком были не прочь затянуться, а когда в лес пошли, я буквально пару сигарет взял с собой. В вагончике на лесоповале обнаружилась, во-первых, бутылка с остатками спирта «Рояль». Боюсь соврать, но грамм 50, а то и побольше, там наверно было. Оставили зачанку или просто не в силах были допить что ли лесорубы? Во-вторых, в другой бутылке или канистре была какая-то вода. Не свежая, конечно, но все же... Мы сначала сделали по одному глотку, остальным решили разбавить «Рояль». А потом еще и закурили, включая Иру. Там на полу валялись «бычки» от сигарет без фильтра и куски газеты, из которых мы с Ежиком тут же свернули самокрутки. Только Стас проигнорировал курение. Но самое главное, что вдоль лесной трассы шла высоковольтка, к которой был подключен и вагончик. Приняв допинг и моментально ожив, мы пошли по линии высоковольтки и довольно скоро вышли в какуюто деревеньку. Прежде всего попросили воды, нам выставили ведро, и мы долго не могли оторваться, пока уже окончательно не пришли в чувство. Кстати, в деревне из-за урагана электричества уже недели две не было. Поинтересовались, сколько идти до Прямухина? В ответ услышали: «Зачем вы по лесам-то ходите? Надо по полям пройти и километра через три будет Прямухино». И показывает дачница, которую мы расспрашивали, прямо в противоположную сторону той, откуда мы пришли. А солнце к тому времени уже совсем садилось, хорошо, что в Тверской области в это время полной темноты не бывает. В общем, к полночи мы были на месте. У меня запечатлена вся эта «одиссея» на фотографиях. На них и вырванные деревья с огромными корнями, и вагончик, и стог сена, на котором решили немного передохнуть перед последним марш-броском.

Говоря о своих политических взглядах, Стас в то время определял себя как левого социал-демократа – «меньшевика-мартовца», как он иногда в шутку сам себя называл. В СДПР он блокировался с той левой группой, которую возглавляли супруги Ракитские и которая в итоге провозгласила себя «Левой платформой». При этом он спокойно мог общаться с людьми, которые определяли себя как анархисты или коммунисты (левого, не зюгановского толка), но в этом тоже был он весь.

В период, когда он пришел в политику, молодежная составляющая в оппозиции была не так уж велика и присутствовала, скорее, на периферии политического процесса. Стас вращался сразу в нескольких сообществах, порой являясь даже связующим звеном между ними. Например, он близко общался с радикальными экологами из организации «Хранители Радуги». Одним из самых первых адвокатских дел Маркелова было дело о погроме эколагеря в Волгодонске, боровшимся с запуском АЭС. Там имело место серьезное нападение – со сломанными конечностями, с жестоким избиением. Он и сам лично участвовал в этом лагере, там у него появились связи с украинскими экологами и анархистами. Кроме того, он имел отношение к акциям «хранителей» в Касимове.

Вообще, Стас всегда сочетал слово и дело. Можно провести аналогию с уже упоминавшейся политической адвокатурой царской России. Правда, в основном адвокаты сами не стояли на баррикадах, если со временем, конечно, не превращались в чистых политиков, как Ленин и

Керенский. Но, как правило, в молодости они прошли школу революционной борьбы (такие адвокаты, как Муравьев, Малянтович)¹ (1 *Российские адвокаты Муравьев и Малянтович – одни из инициаторов создания в 1895 г. «кружка рабочих защитников»*. Н.К. Муравьев в 1918–1922 гг. был председателем Комитета политического Красного Креста, арестован, в 1922–1923 гг. выслан из Москвы. П.Н. Малянтович в 1930 г. был арестован по делу «Союзного бюро меньшевиков», освобожден в 1931 г. Арестован в 1937 г., расстрелян на Бутовском полигоне.). Вот и Стас не гнушался акций прямого действия. Достаточно вспомнить, как вел колонну студентов и попал под раздачу дубинок, будучи одним из организаторов профсоюза «Студзащита».

С другой стороны, как я уже говорил, он завязал тесные дружеские связи с правозащитниками, прежде всего из ПЦ «Мемориал». Начиная с первой поездки в Ингушетию, его приезды на Кавказ не прекращались. Наверно, это было обусловлено его личной антивоенной позицией. Когда началась первая чеченская кампания и были попытки создания широкого антивоенного движения, Стас рассматривал происходящее с левых позиций. В то же время он, как человек увлекающийся, романтичный и азартный, всегда хотел самолично изучить ситуацию вплотную, изнутри, ну и заодно набраться профессионального опыта.

Прошли студенческие годы, и многое изменилось – Станислав завел семью, вместо хаера у него появилась аккуратная стрижка, он стал носить костюм и вести публичную деятельность. Но как только Стас попадал в свою среду, он преображался и становился прежним Маркеловым, которого мы знали. Расскажу еще одну историю.

Дело происходило лет шесть назад, когда Стас уже был адвокатом и уже женился на Галинке. Старший брат уступил молодоженам свою квартиру рядом с площадью Индиры Ганди. Как-то Галя уехала в Минск, это было между первым и девятым мая. Прихожу к нему в гости: «посидели», расслабились, и я остался у него ночевать, чтобы в университет поближе было. На следующий день была суббота, у меня по расписанию две лекции на физфаке: вторая и четвертые пары с окном между ними. Утром Стас первым пошел душ принимать, а я сдуру стал баловаться наручниками, которые Миша Маркелов привез из какой-то «горячей точки», из одной из своих тележурналистских командировок. У этих наручников один браслет нормальный, а второй не работал, деформирован был. И вот я надел работающий браслет на левую руку и защелкнул, но не до конца, конечно. Кричу через дверь Стасу: «Где ключ?». Он отвечает: «Какой ключ? Не было ключа». Пробуем с помощью мыла снять, но не тут-то было – браслет уже в костяшку большого пальца уперся. Пока пытались снять, наручники защелкнулись на последний зубчик. А у меня лекция минут через сорок должна быть. И тут меня осенило. Говорю: «Стас, вспомним сандружину – у тебя есть бинты?». Ну, забинтовали руку и повесили на перевязку. «Не предупредил меня на счет ключа заранее – будешь читать лекцию вместо меня». Он спрашивает: «А какая тема?». – «Предвоенная ситуация в СССР и пакт Молотова-Риббентропа». – «Ладно, – говорит, – пошли».

Поплелись с Маркеловым на лекцию. Я выхожу на кафедру и провозглашаю, что с преподавателем стряслось несчастье: «Упал, очнулся – гипс. Зато у вас есть уникальная возможность послушать дипломированного юриста. Мой коллега – адвокат, и он может

осветить изучаемую тему с точки зрения международного права, и т.д.». И вот Стас «на голубом глазу», безо всякой подготовки начал анализировать Мюнхенское соглашение, аншлюс Австрии, пакт о ненападении Молотова-Риббентропа, нападение Германии на Польшу и вступление в войну Советского Союза. Выступал в излюбленной манере, с жестикуляцией руками. Конечно, в какой-то мелкой хронологии он делал ошибки, и я его немного подправлял, сидя сбоку от кафедры, но в целом все было на высоте, и, заметьте, безо всякой подготовки!

Одна лекция закончилась. Но надо еще и думать об «освобождении». Мы стремительно бежим к станции метро «Университет». Стучим в палатку металлоремонта. Высовывается заспанный армянин: «Что надо?». – «Брат, помоги – вот видишь какая ерунда». Стягиваю бинт, он берет какие-то отверточки, пробует тыкать и ковыряться ими. Но у него ничего не получается: «Извини, дарагой, ничего не могу памочь». Опять наматываем обратно бинт. Говорю Стасу: «Ну что, пойдём сдаваться?». Пошли в отделение милиции в Главное здание МГУ. По дороге спрашиваю: «Стас, у тебя хоть ксива-то есть с собой?». – «Да, – отвечает. – Московской коллегии защитников». И добавляет: «Брат мне голову оторвет, изымут у нас по протоколу наручники, как спецсредство. А это подарок» (забыл только кого, чуть ли не самого генерала Лебеда). Ладно, пришли и стучим в закрытую железную дверь. Там менты, конечно, тоже майские празднуют. Долго стучали – никто не открывал. Наконец, какой-то опер вышел спортивного вида, в кожаной куртке: «Чего надо?». Потом посмотрел и говорит: «Ребята, не морочьте мне голову, мне на задание надо ехать». И мимо прошел. Мы опять стучим. Сержант с автоматом выходит, в возрасте такой дядечка. Один браслет на мне висит, другой болтается. Стас адвокатскую ксиву показывает. Подозреваю, какой дурацкий вид был у нас. Нам самим уже все это смешно было. Хорошо, что сержант тоже попался с юмором. «Пошли за мной», – скомандовал. И говорит с ленивым видом: «Эх вы, детский сад. Даже не можете наручники сами снять!» Берет скрепку канцелярскую, разгибает ее, засовывает в дырочку и раз! – открывает. Говорит: «Забирайте вашу игрушку и проваливайте!». А тут как раз время лекцию читать подоспело. «Теперь моя очередь, – говорю Стасу, – но ты не убегай, пойдём обмывать освобождение, я проставлюсь!» Сказано – сделано. Вернулись из университета к нему на квартиру, где друг друга раз по пять приковывали к батарее, а потом сами скрепками освобождались. В общем, продолжали развлекаться. А саму историю потом Стас долго вспоминал, когда встречались.

Как профессионал Стас очень быстро рос, приобретал опыт в самых разных областях. В том числе приобретая новые контакты в Государственной Думе. Думаю, что не обошлось без помощи брата – депутата Госдумы прошлого созыва, который прошел в нее от «Родины», а потом был во фракции «Справедливой России». Хотя они с братом поначалу были кое в чем политическими антагонистами, но семейные узы чтити свято. Сам Стас был помощником у Олега Шеина, участвовал в его избирательной кампании в Астрахани. Я уверен, что он мог бы превратиться в интересного политика новой формации. Все задатки для этого у него были, а в самое последнее время появился и выход на международную арену. Он создал и возглавил Институт верховенства права, участвовал в Российском социальном форуме в Петербурге, Сибирском социальном форуме в Иркутске, наконец, принимал участие в Европейском социальном форуме в Мальме в сентябре 2008 года.

До Станислава Маркелова в нашей стране фактически не было политической адвокатуры. Старших коллег Стаса – Падву или Резника – все же нельзя назвать сугубо политическими адвокатами. Между «правозаступниками» 20-х годов и Софьей Каллистратовой был разрыв преемственности в сорок лет. Точно такой же разрыв оказался между адвокатами диссидентов 70-х годов и новой политической волной середины 90-х. И вот появляется ярко выраженный политический адвокат-правозащитник Маркелов. Сейчас таких адвокатов хватает, будь то адвокаты «нацболов» или тех же праворадикалов. Но волею судьбы Стас Маркелов был на этой стезе если не первым, то одним из первых, когда их были единицы. А по отношению к молодым леворадикалам и антифашистам, из среды которых он и вышел, Стас и вовсе был единственным. И никто его теперь не заменит.

Разрыв в преемственности в 30-е годы стал следствием государственного террора, среди жертв которого были все категории граждан, включая адвокатов. Ни в брежневское, ни в царское время адвокатов не расстреливали и не сажали, в худшем случае преследовали в административном порядке. Адвокат – фигура неприкосновенная, убийство адвоката – это абсолютный цинизм, нарушение всех кодексов чести и правил игры. А в случае со Стасом – это еще и самая настоящая показательная казнь. Омерзительно-подлое убийство идеалиста.

Версия #1

Зверобой создал 15 апреля 2025 23:19:41

Зверобой обновил 15 апреля 2025 23:26:53